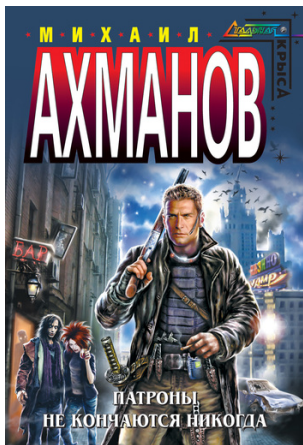

Михаил Ахманов
Патроны не кончаются никогда,
или Записки охотника на вампиров
Серия «Забойщик», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164174
Патроны не кончаются никогда: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-27077-4*

Аннотация

Его зовут Петр Дойч. У него очень увлекательная работа, связанная с заграничными командировками и ночными дозорами. Его профессия называется жестко и точно – Забойщик. Он отслеживает и казнит убийц, насильников, сволочей и уродов всех мастей, решивших однажды, что им можно все. На том лишь основании, что они вампиры. И что их с каждым днем становится все больше и больше...

Содержание

Гадюшник	4
Родные стены	10
Интермедия 1	17
Снова в деле	20
Лавка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Михаил Сергеевич Ахманов

Патроны не кончаются никогда

*В нынешние времена только ленивый не пишет про вампиров.
Из статьи репортера В. Разуваева,
опубликованной в еженедельнике
«Кровь нации»*

Гадюшник

Это был молодежный клуб – не из самых шикарных, но все же не последняя помойка. Гадюшник средней руки: танцы-обжиманцы, «однорукие бандиты», секс в сортире, выпивка и, конечно, ширево. Когда-то здесь, в солидном здании на Грузинском Валу,¹ была пельменная, а рядом с ней – почта и книжный магазин. Теперь вот – клуб «Доза». От почты остались крыльцо в три ступеньки и прочные двери, от пельменной – неистребимый запах варева, а от книжного магазина – ничего. Книжный, помнится, назывался «Светоч» или что-то в этом роде... Недолог путь от света к тьме!

Я вылез из «жучка» и расправил плащ, стараясь, чтобы железки под ним не гремели. Было около двенадцати, но светились только окна «Дозы». В жилых домах – ни лучика, ни проблеска, подворотни пусты, да и на улице прохожих не видать – научены горьким опытом и мимо не гуляют. Кроме Влада, затаившегося у мусорных бачков, никого.

Клуб заказал мне депутат Булыга, решивший приподнять свой рейтинг перед выборами. Думаю, окрестные жители всю плешь ему проели. И то сказать: детишек во двор не выпустишь, при школьниках и бабах нужен конвой, да и не всякий крепкий мужик уцелеет в таком соседстве. Даже в собственной квартире, с решетками на окнах и железной дверью.

Я не спеша направился к ступенькам. Над ними навис козырек со световой рекламой: сочная девица пляшет танец живота. Все мигает, сияет, девка крутит задом и буферами трясет оч-чень завлекательно. И подмигивает, подмигивает! Мол, заходите, выюноши, я вам еще не то покажу. Покажет, не сомневайтесь! Пасть покажет с дюймовыми клыками.

Влад отлепился от мусорного бака и – бочком, бочком – стал приближаться ко мне. Был он во всеоружии: камера за ухом, другая – на запястье, под курткой и свитером – магнитофоны. Воротник свитера сильно топорщился – наверняка пристроил на шею серебряный обруч. Я ему раз двадцать говорил, что это пустая затея, сплошные суеверия, но Влад непрошибаем. Упрямый осел! Но в прочих отношениях партнер что надо. Конечно, не Забойщик, тут я не нуждаюсь в помощи, но в моем ремесле отчетные документы не менее важны, чем проведенная акция. Все из-за по-по, тварей гнусных и продажных! Отступишь слегка от закона, и прощай, патент.

При дверях стоял мордovorot, не инициант-вторичный, а из прислужников. Голый до пояса, с затейливой татуировкой: на животе – дракон, а вместо башки у змеюки – оскаленный череп. Патлы длинные, глазки мутные, и на шее явственный знак, пара красных точек на сонной артерии.

Он заступил мне дорогу.

– Куда лезешь, козел? Чего тебе надо?

– Догадайся с трех раз, придурок, – ответил я и двинул его в челюсть.

¹ Автор предупреждает дотошных читателей, что Москва в данной повести имеет мало общего с нашей Москвой – это город другой реальности.

Глазки у парня закатились, он икнул и рухнул на ступени. Столкнув его с крыльца, я приоткрыл дверь, вошел и огляделся. Веселье было в самом разгаре: кто хороводы водит, кто дурью пробавляется, кто пьет и жрет, кто ловит кайф, улегшись под столом. Марши гремят боевые, девки пляшут топлесс, на помостах – стриптизерки у шестов, зелень с подвязок свисает, а пацаны суют еще, чтоб ущипнуть где помясистее. На нас с Владом – ноль внимания.

Влад сопел за спиной.

– Этих видишь? Где они?

Глаз у меня наметанный, нюх отменный.

– Бармен и двое у стойки. Случайная парочка, подкормиться пришли. А справа, у игровых автоматов, – хозяйева, тоже наши клиенты. Баба с жетонами, и при ней мужик – тот мордастый хмырь, у занавески... Навар снимает.

– Иницианты?

– Само собой. Первичные нас бы с порога унюхали. – Я прищурился, выбирая удобную позицию. – Ты вот что, партнер... ты забейся в уголок и не дыши. Будь наготове.

– Слушаюсь, сэр. Рад стараться, сэр. Пинта крови за вами, сэр.

Влад исчез. Мордастый торговался с парнем. Уговорил, откинул занавеску и потащил куда-то – надо думать, в интимный кабинет. Нравы здесь простые: если бабок нет, за дурь и жетоны платят натурой. Обычно стакан кровушки за дозу.

Я начал протискиваться в чаще потных тел. Народ тут веселился молодежавый, пацаны да девки. Кольца в носу и ушах, пупки проколоты, и болтаются в них всякие фитюльки, зубы и ногти намазаны черным, и в губах да бровях тоже разное понавешано. Головы у кого бритые, у кого с петушиным гребнем либо иным сооружением, татуировки во всех обозримых местах – а их, ввиду летнего времени и скудости одеяний, совсем немало. В своем плаще я, разумеется, выглядел вороном в фазаньей стае, но интерес к моей персоне был невелик. Меня, как обычно, принимали за по-по, сборщика дани.

Протолкавшись к помосту, где извивалась стриптизерка, я ущипнул ее за мягкое. Тоже привилегия по-по – щипать любые задницы и груди.

Девушка взвизгнула.

– Слазь, подруга. Хватит бабки сшибать.

Я столкнул ее прямо в лапы пацанов, крутившихся рядом, и залез на помост. Обзор с него был великолепный: бармен, две твари у стойки, крыса с жетонами и пятый хмырь – этот снова появился и стоял сейчас у игрового автомата. Я ощущал эманацию каждого.

Тут бы мне призадуматься!.. Хмырь снова в зале, а парень где?.. Тот парень, которого за занавеску утащили?.. Взяли с него стакан – обязаны выдать жетонами или дурью... Но парня-то нет! Кому его мордастый хмырь оставил? И зачем?.. Мог бы я порассуждать на эту тему, но, как говорится, жадность фраера сгубила: пять клиентов, и все – точно на ладони... Стреляй, не хочу!

И я выстрелил. То есть сначала достал из-под плаща обрез, верный мой «шеффилд» с укороченным стволом, вскинул его на уровень глаз и выпалил.

П-пах! – негромко сказала ружье, и череп бармена разлетелся кровавыми клочьями. П-пах, п-пах! – и твари у стойки рухнули на пол. П-пах! – и баба с жетонами свалилась со стула. П-пах! – и мозги хмыря забрызгали серым месивом игровой автомат. Стрелял я клиентам в голову, точнее, между глаз, чтобы клыки уцелели. Кончать вампиров нужно умеючи, живучесть у них потрясающая, регенерация идет стремительно; бывает, что после многочисленных ранений они способны расправиться с Забойщиком – даже иницианты, не говоря уж о первичных. В голову, только в голову, судари мои! Чтобы мозги полетели фонтаном!

В зале поднялся рев и визг. Веселье кончилось, народ, переворачивая стулья и столы, ринулся к выходу, а пяток держиморд – прямо к моему помосту. Убивать прислужников я права не имел – такие уж законы в нашей демократической державе. Одному я врезал

носком под челюсть, другого огрел прикладом, а после распахнул плащ и предъявил оставшейся троице свои игрушки. Были там сюрикены, были метательные ножи, обрезок железной трубы, цепь с шипастым шаром и, разумеется, клинок, добрая японская катана. Это их отрезвило.

Бросая на меня злобные взгляды, охранники попятились к дверям. И правильно сделали: конец пришел их службе. Пять ублюдков валялись мертвыми, публика разбежалась, и лишь запахи и звуки напоминали о былом веселье. Пахло пельменным варевом, потом и спиртным, да музыкальный автомат наигрывал что-то бодрящее. П-пах! Я всадил в него пулю, и музыка смолкла.

Я чувствовал себя победителем. Акция прошла как по маслу – ни лишних трупов, ни больших убытков заведению, даже стекла уцелели. Я мог рассчитывать на премиальные, хотя, сказать по правде, мой наниматель Булыга был скуповат. В пустом зале царили тишь и благодать, у потолка мерно вспыхивали разноцветные огни, и чуть слышно стрекотала камера Влада. Чистая работа! Красота! За окнами уже слышался отдаленный вой сирены – к нам торопились по-по. Сейчас составим протокол, подумал я, приобщим к нему видеозапись и...

Занавеска в дальнем конце помещения отдернулась. Нечто темное, похожее на огромного краба с растопыренными клешнями, взметнулось над полом в стремительном прыжке. Вот и шестой клиент... – мелькнула мысль. За долю секунды я не успел разглядеть лица и пасти чудища, но в этом не было нужды – повидал я их хари и зубы во всех возможных ракурсах. Тварь неслась ко мне со скоростью снаряда, не было времени прицелиться, я выпалил наудачу и, очевидно, промазал. В следующее мгновение страшный удар сбросил меня с помоста, ружье отлетело в сторону, и у горла лязгнули клыки.

Он промахнулся совсем чуть-чуть – клык оцарапал кожу у сонной артерии. Мы ворочались среди обломков мебели: он – сверху, я – снизу. Обрезок трубы впился мне в ребра, ножи и рукоять катаны давили в живот, но этот мой арсенал был бесполезен – ничего не достать, не ухватить! Обеими руками я упирался в челюсть монстра, ощущая, как его когти пронзают плащ и царапают кожу. Он был чудовищно силен – должно быть, только что напился крови. Как объект питания я его не занимал, не кровушки моей ему хотелось – он жаждал прикончить врага. Таков инстинкт у всех первичных, и те, кто может с ним совладать, те самые опасные.

Этот не смог. Глаза у него были обезумевшие, бессмысленные – взгляд зверя, не человека. Впрочем, к роду хомо сапиенс он не относился. В этом разница между преступником и вурдалаком: первый, каким бы он ни был злодеем, все-таки наш собрат, а для второго мы лишь низшее звено пищевой цепочки. Примерно как для нас коровы.

Есть, однако, коровы, и есть бодливые быки. Продолжая упираться в челюсть левой рукой, я на миг ослабил правую и ударил его в скулу браслетом, охватившим запястье. Удар был слаб, но пружина сработала, выпустив под ладонью острое лезвие. Я вонзил его в шею твари, дернул к себе, перерезав горло, и хватка монстра ослабела. Но он не умер, он по-прежнему тянулся ко мне жуткой своей пастью, и рана на шее была как второй рот – огромный, переполненный хлеставшей кровью.

Я перевернул его на спину, оседлал и, наконец, дотянулся до катаны. Секунда – и все было кончено. Голова – отдельно, тело – отдельно... Таких упырей я люблю.

Пошатываясь, я поднялся и стер с лица кровавую жижу. Затем сунул руку в карман, вытащил клещи и выломал верхний правый клык. Два сантиметра... Не самый крупный в моей коллекции, но все же впечатляет. Острый, белый, похожий на отшлифованный кусочек кварца.

– Ты не ранен? – послышался голос за моей спиной.

Я обернулся.

– Все тип-топ. Драку заснял, партнер?

– Разумеется. – Камеры Влада тихо стрекотали. Внезапно он сморщился и с тоской произнес: – Хороша, ведьма! Дает же бог такую красоту проклятым тварям... Или тут дьявол постарался?

Я моргнул. Передо мной, на грязном затоптанном полу, лежала нагая женщина. Маленькие твердые груди с розовыми сосками, тонкий гибкий стан, длинные стройные ноги и – нелепый штрих! – обрубок шеи с торчавшим позвонком. Откатившуюся голову окружал ореол черных волос, с прекрасного лица ушло выражение свирепости, и теперь оно казалось умиротворенным и спокойным. Лоб высокий, глаза карие, губы алые... Верхняя в крови – там, где я выломал клык.

– Где она сейчас? В преисподней? – спросил Влад. – Ты как думаешь, Петр?

Поделиться своим мнением я не успел – с грохотом рухнули входные двери, и в зал ворвалась спецбригада по-по. Не меньше дюжины легавых – все в бронежилетах с высоким воротом, в тонированных шлемах, шипастых наплечниках и с автоматами. За боевой командой шагал старый знакомец комиссар Фурсей из полиции нравов, а с ним чины рангом помельче, шестерки да эксперты. Рожи у всех были кислые: понимали, что заведение накрылось и дохода от этой кормушки больше не предвидится.

– Так-так, – пробурчал Фурсей, окидывая взглядом помещение. – Что мы имеем здесь, коллеги? Восемь трупов, а при них – герр Петер Дойч, наш вершитель правосудия – и, как всегда, в кровище... Чувствую, кто-то расстанется с лицензией!

– Трупов шесть, и это не люди, – уточнил я. – Мои клиенты! Проверяйте, пан комиссар.

Словно подтверждая сказанное, зашевелились два охранника, которых я приласкал ботинком и прикладом. Комиссар мигнул своим бойцам, и те, ухватив мордovorотов за ноги, потащили их улицу. Свидетели как-никак!

Застрекотала камера Влада.

– Прекратить съемку! – гаркнул Фурсей. – Ты кто такой, гнида недобитая?

– Как будто вы не узнаете... Разуваев, репортер газеты «Кровь нации»! – гордо сообщил Влад, выставя напоказ свой журналистский значок. – Вы бы полегче, комиссар... Закон о свободе прессы еще не отменили.

– В самом деле? – Фурсей поглядел на своих подчиненных, и те кивнули с мрачным видом. – Ну, тогда снимай, журналюга, но с места не сходи. И ты, Забойщик! – Это уже мне. – Мертвяков сюда!

Он харкнул на пол, и бойцы принялись стаскивать к его ногам покойных. Все это было спектаклем, рассчитанным на идиотов. Фурсей знал, что правила мной не нарушены, но, как всякий босс из силового ведомства, хотел продемонстрировать свою власть и крутизну. И оба мы знали кое-что еще: с этой «Дозы» шел откат в полицию, причем немалый. Что благодеяние для местных жителей, то для по-по острый нож... Но с этой проблемой будет разбираться депутат Булыга.

– Документы! Сюда! Быстро!

Фурсей подставил ладонь, и я вложил в нее контракт и свой опознавательный жетон. На жетон он даже не взглянул, впился глазами в контракт, вычитал имя нанимателя и разом присмирел. Булыга – фигура видная, член московского ЗАКСа от партии «Чистые руки», противник Легализации. Такого на арапа не возьмешь!

– Чистоплюй... – буркнул комиссар с явным разочарованием, возвращая мне бумаги. – Ладно! Поглядим, кого ты укокошил, мистер Дойч.

– Исключительно врагов народа, Фурсей-сан, – ответил я.

– Проверим. Если что не так, я тебе матку выверну. И тебе! – Он ткнул пальцем в грудь Влада. – Мое слово – что банковский вексель!

– Свобода прессы!.. – пискнул мой партнер.

– Ма-алчать! Будет тебе свобода и миска баланды в придачу! – Комиссар свирепо оскалился, сделавшись похожим на вампира. – Медэксперт и фотограф здесь? Приступайте! А ты, Петренко, пошарь в карманах у покойничков. Хорошо бы личности выяснить...

Ставлю еврик против деревянного, что троих комиссар уже опознал, хоть были они безголовы. Своих кормильцев не забудешь! Но имелись еще двое у стойки и эта голая красotka из первичных. Ее голову подкатили к обрубку шеи, и медик, взглянув на зубки красавицы, повернулся ко мне и с уважением произнес:

– Первичная! Ловко вы ее успокоили, Дойч... Снести башку одним ударом! Давно я такого не видывал!

Щуплый инспектор – должно быть, Петренко, – обшарил мертвецов, а заодно кассу бармена и столик с жетонами. Главным вещдоком были валюта и рубли, а также снимки уцелевших челюстей – медик разжимал их особым ланцетом, фотограф давил на кнопку, и камера тихо жужжала, увековечивая мои труды. По-по в боевом снаряжении исчезли – должно быть, Фурсей убедился, что персонально ему ничего не грозит. Трое его сотрудников сунулись в коридор за занавеской и притащили мертвого парня – голого и плоского, как выжатый лимон, с отметинами от клыков на шее. Медэксперт его осмотрел, пожал равнодушно плечами и, поглядев на тело обезглавленной вампириши, заявил:

– Обычное дело: он ее трахал, а она сосала кровь. Эта первичная, а остальные пятеро – иницианты. Никаких претензий к Забойщику, комиссар.

– Могу собрать оружие, дон Фурсей? – осведомился я.

– Можешь, ловец божий. – Физиономия комиссара помрачнела. – Собирай барахло, бери своего недоумка и валите отсюда к ядрене фене.

– Сам туда вали, оборотень в погонах, – прошептал Влад, но очень-очень тихо. Что до меня, то пререкаться я не стал, вытер клинок, сунул в ножны и подобрал обрез. Ружье было чистым, как стеклышко, ни запаха дыма, ни нагара в стволе. Чудесная вещица!

Кажется, комиссар тоже так считал.

– Дай-ка сюда! Хочу взглянуть на твою игрушку.

Не люблю расставаться с «шеффилдом», но как откажешь любопытному по-по? Я подчинился.

– Осторожнее, сударь мой. Эта игрушка стоит вашего жалованья за десять лет.

Вообще-то обрез я получил в подарок, но Фурсею знать об этом не обязательно. Ни Фурсею, ни его шестеркам, ни даже Владу. Никому на свете! Мои отношения с Лавкой – мое личное дело. Впрочем, если и рассказать, кто поверит?

Фурсей направил ствол на стойку бара и попытался нажать на спуск. Ничего не получилось.

– Где предохранитель? – Он недоуменно прищурился.

– Нет предохранителя.

– Не заряжено? Какая-то хитрая блокировка?

– Заряжено, и никаких блокировок нет.

Выхватив у него ружье, я послал пулю в игровой автомат. Рывнуло, будто гром прокатился, полетели клочья пластика, какие-то шестеренки и раскрашенная жесь. «Шеффилд» был разгневан – я отдал его в чужие руки! Ну ничего, отойдет, успокоится...

Я сунул обрез в кобуру под мышкой, посмотрел на рожи Фурсея и ошеломленных помощников и ухмыльнулся.

– Вот так-то, синьоры. Пуля «дум-дум». Когда нужно – разрывная, а в прочих случаях – бронебойная.

– Какого хрена, морочишь меня?! – взъярился Фурсей.

– Нет. Просто у нас, Забойщиков, есть свои маленькие секреты.

Повернувшись, я зашагал к выходу. Влад топал за мной, его камеры по-прежнему жужжали, так как было им что фиксировать. Запись годилась не только для телерепортажа или отчета властям, но и как свидетельство акции – если работодатель захочет с ним ознакомиться. И впереди нас ждал последний, заключительный аккорд.

Улица была полна народа – вероятно, все местные обитатели высыпали из домов. Попо из спецбригады оттеснили их с тротуара, но люди не рвались громить заведение, не швыряли в окна камни: здесь была не агрессивная молодежь, а отцы и матери семейств, бабушки и редкие дедки, дожившие до пенсии. Над толпой стоял гул:

– Кровопийцы проклятые!..

– Гады, чмо безбожное!..

– Вот и нашлась на них управа! Накрыли гадюшник!..

– Булыга-то, наш Сергей Петрович, расщедрился, Забойщика вызвал...

– Это больших денег стоит!..

– Еще бы! Забойщик – это вам не суки из по-по...

– Сволочи они! Все куплены, от постовых до генералов! Нашу кровь продают и дачи строят!..

– Нинку из пятой квартиры помните? Высосали ее...

– И мальчика Андреевых, Лешкой звать...

– И Веруню... три годика малышке... Родители как убивались!..

– А наш Сергей Петрович молодец! Другие-то козлы из ЗАКСа пакет гречки дают да кулек сахара...

– Петрович, он народный радетель... Если голосовать, так только за него...

Влад, не сходя с крыльца, вскинул руки и выкрикнул:

– Правильно, братья и сестры, за него! Ну-ка хором: спасибо, Булыга!

Толпа взревела, как стадо жаждущих слонов, дорвавшихся до водопоя:

– Бу-лы-га! Бу-лы-га! Спа-си-бо! Бу-лы-га! Бу-лы-га!

Магнитофоны и камеры впитали народную любовь и благодарность, заполнив ею магнитные диски. Потом раздался щелчок – Влад отключил аппаратуру.

– Хорошие у нас люди, – с довольной улыбкой молвил он. – Сделаешь им на полушку, а радости на целый рубль.

– Ну, за полушку мы бы и пальцем не шевельнули, и за рубль тоже, – откликнулся я.

– Это гипербола. Фигура речи такая, – сказал Влад и полез в машину.

Я вытащил платок, вытер с лица остатки крови, уселся на место водителя, и мы поехали. Сквозь раздавшуюся толпу по улице Грузинский Вал, затем темными пустыми переулками – к Садовому кольцу, затем по Малой Бронной – в Третий Берендяевский проезд... Мой «жучок»-ишачок машинка невеликая, на двух пассажиров, зато с вместительным багажником и мощным мотором; при нужде на ладони развернется и сиганет под сто пятьдесят. Но сейчас я не спешил. Работа сделана, мысль о гонораре греет душу, мышцы расслабились, мерный рокот мотора навеивает сон. Покой и умиротворение сердец, как любит говорить дьяк Степан... Было – было, правда, в этой благодати черное пятнышко – вспоминалась мне ведьма, мой шестой и неожиданный клиент. Нет-нет да и мелькнет ее лицо на фоне сонных улиц, а как мелькнет, так и в груди защемит. Лоб высокий, глазки карие, губы алые, и верхняя – в крови... Порчу она на меня навести не успела, в этом я не сомневался. С чего бы ее вспоминать?.. Ни с чего, абсолютно ни с чего...

Выбросив ее из головы, я свернул в крохотный дворик и заглушил мотор.

Родные стены

Живу я в подвале. Мудрая предосторожность для Забойщика! Если не хочешь однажды проснуться от звона разбитого оконного стекла, выбирай подвал. Клиенты у нас шустрые, им по стене залезть или с крыши спуститься – что зевнуть. Небоскреб в этом смысле ничем не надежнее пятиэтажной хрущобы. Колька Вырий, закадычный мой дружок, на тридцатом этаже обосновался, и что с того?.. Влезли к нему двое первичных, один на грудь сонному прыгнул, другой руки придержал, чтобы до клинка не дотянулся... И все, нет Кольки! Нет друга моего! Я потом этих упырей нашел и располовинил на уровне брюха, но Николаю пользы уже никакой. А был он отменный специалист! Трудился на магометан, мормонов и на святую нашу церковь, лично на митрополита Евсевия...

Словом, хочешь спать спокойно, ищи подвал без намека на окна и с единственной дверью, укрепленный со всех сторон, как долговременная огневая точка. Разумеется, не в каждом доме такой найдешь; в нынешних коробках подвалы годятся лишь для кошек и крыс. Но особняк в Третьем Берендяевском был старинным, царских времен, прочной постройки: фундамент из натурального камня, стены метровой толщины и отдельный выход в бетонный колодец с лестницей. Проживал тут когда-то купец Синебрюхов, и хранились у него в подвале штофы с водкой, бочки с вином да ненужная мебель. В советскую эпоху, как говорили старожилы, устроили вместо винного склада котельную, а с победой прогресса и центрального отопления подвал оказался забытым и заброшенным лет на сорок. Когда настали коммерческие времена, Гильдия его откупила, разместив здесь разыскную службу. Потом для службы нашлось помещение посolidнее, и я после кое-каких переделок занял подвал.

В сопровождении Влада я спустился в бетонную щель и приложил к пластинке опознаватель. Сработала хитрая электроника, лязгнули запоры, дверь откатилась на чуть-чуть, вспыхнул свет, и мы боком протиснулись в мою обитель. За стальной дверью шел узкий десятиметровый коридор, перекрытый в дальнем конце решеткой; он просматривался и простреливался на всю длину. Решетку я открыл вторым ключом-опознавателем. За нею слева находились кухня и удобства, а справа – жилая комната. Одна, зато большая; кроме массивной мебели (дубовый новодел под старину), хватало метража для верстака, библиотеки, компьютера и моего арсенала.

Я снял плащ, стащил сбрую с оружием, бросил на диван и отправился в ванную. Кровь отмывал долго, тер щеткой руки, шею, грудь, потом переоделся и сунул брюки с рубахой в грязное. Кровь первичных нельзя оставлять на коже – когда сворачивается, жжет словно раскаленный уголь. Занимаясь санобработкой, я слышал, как Влад возится у компьютера, подключает к нему свои камеры и стучит по клавишам, набирая адрес Бульги. Компьютер у меня всегда включен, чтобы потенциальные заказчики могли со мной связаться в любое время дня и ночи. Бывает, помощь нужна так срочно, что не успеешь прыгнуть в штаны и натянуть ботинки. Бывает, бывает! Это, разумеется, гипербола – фигура речи, по словам начитанного Влада, – все же голым и босым я на дело не хожу. Хотя, если вспомнить детсад «Василек» и школу номер сто двенадцать...

Когда я вернулся в комнату, мой компаньон уже переслал Бульге видеорапорт и просматривал на мониторе самые яркие эпизоды минувшей схватки. Вдохновлялся, значит! Можно было не сомневаться, что через несколько дней появится в еженедельнике «Кровь нации» сенсационный репортаж нашего собкора Влада Разуваева... Свеженький, прямо с линии фронта! И будет рассказано в нем о герое, – конечно, безымянном, – очистившем Грузинский Вал от богомерзкой нечисти. Эти труды моего компаньона я тоже ценю, но все же главная его обязанность – служить наводчиком и регистратором. Реклама сейчас мне не требуется; кому я нужен, тот меня найдет. Адрес Гильдии тоже всем известен.

Влад оторвался от экрана.

– Удачно все закончилось, не так ли? И Фурсей не слишком наезжал... Пойдем ко мне, Петро, отметим?

Как всякий человек искусства, а особенно – литератор, выпить Влад горазд. Он утверждает, что наша действительность столь мерзка, что глядеть на нее трезвым взором невозможно и даже губительно для разума. Нужен смягчающий демпфер между реальностью и сознанием, иначе рискуешь стать дебилом или, забившись в нору вроде моего подвала, кататься от стены к стене и сутками выть от ужаса. В чем-то он прав – нынче жизнь в России тяжела, ибо кровопийцам в ней раздолье. И в Питере раздолье, и в Москве, и в прочих городах и весях... Иногда мне кажется, что та частица нашего общества, которая призвана править, охранять, лечить, учить, воспитывать, вконец обезумела и в умопомрачении своем продает людей оптом и в розницу кровавым маньякам, что родились в наших палестинах и понаехали в Россию со всех концов Земли. И что же нас ждет? Что будет, когда врачи продадут пациентов, учителя – учеников, генералы – солдат, а власти – остальных сограждан?.. Надо думать, вампиры примутся за министров и генералов, медиков и педагогов, за полицейских, прокуроров, таможенников и чиновников. И придет конец моей карьере... Пусть я с голоду сдохну, но пальцем ради них не шевельну!

– А не махнуть ли нам куда-нибудь, раз дело сделано? – предложил Влад. – Девчонок возьмем – и в Египет... Или в Турцию... Июнь – самое время для отдыха: еще не жарко, а море теплое.

Я пожал плечами.

– Какая радость в этих Египтах да Турциях? Бывал я там, бывал... Упырей тьма. Особенно среди баб, что туда наезжают.

– Тогда давай ко мне. Коньяк имеется отменный, – интимным шепотом сообщил Влад. – «Греми», из старых запасов... по пять капель на душу... чтобы сон был крепче...

– Идиот! Только крепкого сна мне не хватает, – буркнул я. – Забыл, кто у тебя в приятелях?

– Как же, помню, – с разочарованным вздохом молвил Влад. – Помню, что спишь ты вполглаза и три часа в сутки, что яйца у тебя железные, печень как у носорога и в алкоголе потребности нет. – Он снова вздохнул. – Все пьют, а ты не потребляешь... Странно! Тем более при твоих-то занятиях! Временами, Петр, я сомневаюсь, русский ли ты человек.

– Если судить по фамилии и трезвому образу жизни, то нет, – ответил я и погнал его из своей берлоги. Домой ему недолго добираться – живет он в том же синебрюховском особняке, второй этаж, четвертая квартира.

Я запер дверь и решетку, отправил отчет в Гильдию и принялся копаться в арсенале, укладывая ножи к ножам, сюрикены к сюрикенам, кистень с трубой – к прочим полезным вещичкам. Под арсенал я приспособил сейф, подарок Вертикального банка, коему были оказаны важные услуги года четыре назад. Вместе с холодным оружием в нем хранятся огнемёт с запасными баллонами, мощная взрывчатка, контейнеры с фосфором и напалмом и фляга со святой водой. Осиновых кольев я не держу, равно как и огнестрельного оружия, кроме моего обреза. Но для него – почетное место в стойке у дивана, и там же хранится клинок. Оружие должно быть под рукой.

Рассматривая свои сокровища, мирно почивавшие в стальном шкафу, я покосился на «шеффилд» и ощутил в который раз дрожь в коленках и холодок, стекающий вдоль позвоночника. Немногое может меня удивить – или, скажем прямо, напугать; тот, кто сражается с нелюдью, привычен к разнообразным коллизиям и таким сюжетам, какие не приснятся в страшном сне. Однако загадочное, таинственное, необъяснимое внушает мне ту же боязнь, тот же иррациональный ужас, что и рядовому обывателю. Что поделать, такова людская природа! Боймся ли мы чудовищ, их клыков и сверхчеловеческой силы? Да, разумеется. Но еще

больше боимся того, что не в силах понять... Вот, например: где патроны к моему обрезу? Нет их в сейфе-арсенале, нет в письменном столе под компьютером, и на книжных полках их тоже не прячу... А ведь патроны к «шеффилду», с коим охотятся на слонов, штука заметная! Пуля «дум-дум» толщиной с палец и весом двадцать граммов... Но нет ни пуль, ни гильз, ни пороха, ни готовых к употреблению патронов. Обрез, однако, стреляет!

Я затворил тяжелую дверь арсенала и отправился на кухню. Выпил чая, сжевал бутерброд с ветчиной. Подумал, съел еще один, с сыром. Три часа ночи, но спать не хотелось. Сплю я чутко и недолго, такая уж у меня конституция. Скорее всего, я мутант и в другое время был бы обезглавлен светской властью или сожжен инквизицией. Но в нынешнюю эпоху подобные мне уроды – надежда человечества, и инквизиция – то бишь церковники – очень меня уважают. И православные уважают, и католики, и мусульмане, и иудеи. Ибо вампиру без разницы, к какой конфессии принадлежит обед.

Вспомнив про свою добычу, я нашарил в кармане плаща выбитый у вампириши клык и подошел к верстаку. Для обработки таких раритетов есть у меня сверлильный станочек, очень компактный, немецкого производства и с алмазными сверлами. Я проделал в клыке аккуратную дырочку и добавил его к ожерелью из таких же памятных вещиц. Тридцать семь клыков, взятых у первичных... Инициантов я не считаю, но думаю, что их перевалило за три сотни.

Откуда они взялись, эти проклятые твари, терзающие род людской не первую тысячу лет? Предположений несколько, и все они изложены в ученых и богословских трудах, которые я собираю с терпением и усердием. Согласно святому Юлиану и прочим отцам церкви, вампиры – отродья Сатаны, посланные людям в наказание. Кто придумал нам такую кару, дьявол или милосердный наш Господь, о том церковники умалчивают, хотя в писаниях муфтия Багдадского Омара, недавно переведенных на русский, есть кое-какие намеки. Человек грешен, утверждает муфтий, и Бог, дабы напомнить ему о расплате в день Страшного суда, посылает всякие беды и неустроения. В прошлом наше нечестивое племя так допекло Господа, что он решил известить людей под корень с помощью Всемирного потопа. Кто-то, однако, выжил, и Бог, как говорится в древних иудейских фолиантах, дал зарок не устраивать больше глобальных санаций и мирового геноцида. Что не исключает мелких кар, землетрясений и локальных наводнений, голода, болезней и кровожадной саранчи – то бишь сатанинских ублюдков.

Об этих мнениях святого Юлиана и муфтия Багдадского я толковал не раз с отцом Варфоломеем и дьяком Степаном, но они меня не убедили. Очень уж это жидковато! Если б вампиры явились из адских бездн, я бы согласился со святым и муфтием, но ведь известно – с полной научной достоверностью! – что происходят они от людей, и хоть не с каждым, но со многими такая трансформация может приключиться. Опять же нет объяснений двум вампирским разновидностям. Есть первичные, то есть перешедшие в стадию вампира самопроизвольно, и они-то самые сильные, злобные и опасные. Они способны инициировать вторичных, высасывая часть их крови и давая взамен напиться своей – что происходит по взаимному согласию и часто в процессе полового акта. Все эти тонкости и детали опущены в богословских книгах, а потому им веры нет.

Рихард Шпеер, генетик, доктор медицины и нобелевский лауреат, считает вампиризм болезнью, чем-то вроде запрограммированной в генах склонности к СПИДу, диабету или однополрой любви. Другой специалист, тоже из нобелевских гениев – сексопатолог Андре Маньяна, – уверен, что вампиризм, в основе своей, психический недуг, высшая степень садизма и сексуальной истерии. Я бы им поверил, однако сомневаюсь, что ученые мужи имели дело с настоящими вампирами и ставили на них эксперименты. Как бы не так, судари мои! Не дожить бы им до премий и всемирной славы! С упырями шутки плохи.

У ассиролога Дугласа Хьюзи свое мнение. Признаюсь, что его труд «Племя Нергала» я прочитал с большим удовольствием – уж очень поэтично излагает! В основе его теории легенда о Гильгамеше, новый текст на глиняных табличках, обнаруженный при раскопках на холме Байрим, в Западном Ираке. Легенда общеизвестна: Гильгамеш, царь и великий герой, подружился с богатырем Энкиду, а когда тот умер, пришли к царю мысли о бренности собственного существования. И отправился Гильгамеш на поиски жизни вечной, а конкретнее – патриарха Ут-напишти, пережившего Всемирный потоп. За праведность боги удостоили его бессмертия, но ничего полезного он Гильгамешу не открыл, и царь, стenea, удалился. Этот вариант легенды давно известен, но в байримских таблицах Хьюзи вычитал, что Гильгамеша сопровождали слуги, как и пристало царю, и что один из них прокрался вслед за своим господином к Ут-напишти. Патриархом было сказано, что у светлых богов на вечную жизнь лимит, но может подействовать темный Нергал, только не даром: надо преклониться перед ним и сменить диету. Ужаснувшись, Гильгамеш с негодованием ушел, но безымянный слуга – в табличках его называли Подслушавшим – отдался злему божеству, сделавшись первым вурдалаком.

Версия не хуже прочих. Нергал в современных понятиях – дьявол-искуситель, Иблис, или Сатана, и каждый заключивший с ним союз имеет некоторый профит. Но есть неувязка: упыри не вечны. Они, безусловно, долгожители: Владу Дракуле лет шестьсот, а Теофрасту, тирану Сиракуз, пара тысяч с гаком. Возможно, это миф, но среди первичных, стоявших перед дулом «шеффилда», были современники Наполеона, Александра I и Фридриха Прусского. Редко, но удается с ними словом перемолвиться – когда они считают, что ты у них в лапах... точнее, в клыках... Не бессмертны они, это точно; положен им срок, хотя и много больший, чем нормальным людям. И если первым был Подслушавший, то сдох он еще до Рождества Христова.

Я повернулся к книжным полкам. Там, среди солидных томов Юлиана, Шпеера, Хьюзи и остальных ученых-вампиристов, притулилась небольшая книжка в синей бумажной обложке, «Астральный кодекс» Льва Байкалова. Вот кого я уважаю, светлая ему память! Не богослов, не академик, не лауреат – скромный доцент философии из МГУ, однако не растекался мыслью по древу, а в корень глядел. Пожалуй, он единственный предложил гипотезу, с которой я вполне согласен. Слишком экстравагантную, как полагают многие, но объясняющую все логично и в соответствии с практикой. Предметом его изучения была ноосфера, то есть незримая совокупность мыслей, чувств, эмоций, порождаемых людьми, которая окружает наш приобщенный к разуму сфероид. Это не просто философская категория, а нечто реальное, состоящее в тесной связи с обществом и персонально с каждым человеком – так, во всяком случае, считал Байкалов. Отрицательные эмоции миллионов разумных существ – злоба, зависть, ненависть, жажда власти, страх, тщеславие – порождают ноосферные проекции, которые способны обратным порядком вселяться в людей, превращая их в чудовищ. Не всегда в вампиров, тут возможны и другие варианты, зависящие от нрава человека, его характера и жизненной цели. Может свершиться превращение в злобных властолюбивых маньяков вроде Гитлера и Сталина, в религиозных фанатиков, подобных Игнацио Лойоле, в насильников, растлителей, убийц, садистов и всякое жулье – скажем, в строителей «пирамид». Эти метаморфозы неосознанны, но нечистоплотные политики, чиновные ворюги, бизнесмены-мошенники, наркоторговцы и все остальные, слишком жадные к славе, успеху, деньгам, могут притянуть негативную проекцию – или, в метафизических терминах, астроидею зла. Первичные вампиры – из таких. И, кроме силы, свирепости, хитрости, присущим дар творить себе подобных – конечно, из подходящего материала. Эти – иницианты, или вторичные. Ниже стоят прислужники, еще не вампиры, но те, кто их охраняет и бережет, кто продает им товар или крышует монстров за щедрую мзду. Желających у нас хоть отбавляй.

Вот гипотеза Байкалова. К сожалению, он не закончил свой анализ, погиб при странных обстоятельствах года четыре назад. Но любой разумный человек может додумать им не сказанное: раз есть негативные астроидаи, значит, имеются и позитивные. Вселяясь в людей, они порождают гениев и пророков, великих героев и воинов, мудрецов и праведников. И – лестная, но крамольная мысль! – возможно, я тоже из такой когорты? Не просто Забойщик, а Воин Света, чье назначение – сражаться с Тьмой?..

Конечно, есть у Байкалова трансцендентный элемент – ведь ноосферу, астроидаи, ментальные волны прибором никто не нащупал, а от того проистекает сомнение в их реальности. Бред, как заявляют критики. Поверим в это, придется верить и в другое, в бессмертие души, в демонов, дьяволов, в Ад и Рай, в Высшую Силу, которой имя – Господь Бог... Такая уж наша эпоха – чего не можем разглядеть, измерить и выразить в цифрах, то вроде бы не существует. С одной стороны, это правильно, а с другой... Демонов ищите? Вот они, прямо перед вами! А что до Высшей Силы, так и о ней найдется что сказать. Откуда у меня обрез? Из Лавки! А что такое Лавка, судари мои?..

Усмехнувшись, я взвесил в ладонях свой трофей, ожерелье с клыками. Тридцать семь первичных... Хороший счет! И есть среди этих раритетов особые ценности, так как первичный первичному рознь. Статус определяется возрастом, силой, харизмой и длиной клыков, растущих постоянно, из года в год, из века в век. Два сантиметра – это мелочь! Вот, к примеру, дюймовый клык Земского из Общества призрения бомжей и беспризорных. Там занимались не только бомжами, еще лечили алкоголиков и наркоманов – и, представьте себе, весьма успешно. Покойники не пьют и не ширяются... Живучий был этот Земской! Башку ему разнес, а он все дергался! Пришлось спалить. Хорошо, огнемет прихватил.

А у Дзюбы, коего я расчленил в Первом Вертикальном, клык побольше дюйма! С этим Дзюбой тоже пришлось повозиться... На Вертикальный дважды наезжали рейдеры, а в третий раз владелец, разочаровавшись в ОМОНе, пригласил меня. Дзюба, волк тамбовский, и вел этих черных рейдеров, еще не вампиров, но уже с отметинами чуть ли не на каждой шее. Сцепились мы с ним на мраморной парадной лестнице, среди изваяний фавнов и нимф, под хрустальными лампами, ибо Вертикальный банк квартирует нынче справа от Кремля, в бывшем палаццо графов Горчаковых. Я мог бы гада из ружья приговорить, но за ним валили десятка три мерзавцев, нуждавшихся в уроке. У Дзюбы имелись бензопила и топор, у меня – катана, и порубил я его в мелкий фарш – так, что кровь его поганую две недели отмывали. Ублюдки, которых он привел, начали стрелять, но при такой агрессии я в своем праве, закон обороняться не мешает. Не помню, сколько я снес голов и отрубил конечностей... Фурсей, само собой, взъярился, но мсье Кублатов, хозяин Вертикального, быстро его успокоил. О сумме могу лишь догадываться, но думаю, не меньше, чем мой гонорар.

Самый ценный раритет, жемчужина собрания – клык Вивьен Дюпле, бывшей в содержаниях у самого синьора Дракулы. Та еще стерва, помилуй Господь! Родилась в тысяча семьсот семидесятом, во время Французской революции промышляла грабежом, резала то якобинцев, то жирондистов, то санкюлотов, после 18 брюмера пошла на службу в ведомство Фуше и в наполеоновскую эпоху считалась надежнейшим агентом, отравительницей и убийцей экстра-класса. В вампира, как выяснил наш розыск, воплотилась лет в тридцать пять, сохранив красоту, изящную фигуру и бездну обаяния. Дракула подцепил ее в Италии, в период гарибальдийских войн. Долго была его любовницей, скиталась по миру от Канады до Японии, а к нам заявила после перестройки, став одним из неформальных лидеров Легализации.

Все это Вивьен мне рассказала, когда я лежал в снегу в Битцевском лесопарке и любовался на ее клыки. Три сантиметра с гаком и острые, точно пара шильев! Сама красавица сидела на моей груди и, вспоминая о былом, готовилась перекусить Забойщиком. Однако

не судьба! Не моя кровь плещется в желудке у мамзель Дюпле, а ее жемчужный зубик – в моей коллекции!

С этой мыслью я шагнул к дивану, разделся, лег и уснул.

* * *

Спал, как всегда, чутко и пробудился то ли от тихого писка компьютера, то ли от сновидения, пришедшего ко мне под утро. Будто опять я в Битце, но не в сугробе валяюсь, а лежу на полянке среди васильков и ромашек, и на груди моей не Вивьен, а та, безымянная, соблазнительная, нагая... Лоб высокий, глазки карие, губы алые, и крови на них и в помине нет. Смотрит на меня и улыбается, тянется к моим губам – или все-таки к шее?.. И если к шее, чего желает – поцеловать или впиться в сонную артерию?..

Так я этого не узнал – проснулся. Компьютер, включенный в режим часов, показывал восемь двадцать две, моргал и пищал, докладывая о поступившем сообщении. Над ним, на стене, обитой вагонкой, висели диплом Гильдии Забойщиков, моя лицензия и документ на право ношения оружия. Диплом очень красив: готический шрифт на фоне языков огня, вверху – скрещенные секиры и клинки, внизу – золотая печать с гербом Гильдии и латинским девизом: «Sine ira et studio», что означает «Без гнева и пристрастия». Мудрость древняя, но своевременная! Герб у нас тоже древний, позаимствованный у опричников царя Ивана, – метла и собачья голова.

Поднявшись, я прошлепал босиком на кухню, сварил кофе и с чашкой в руках вернулся к компьютеру. Сообщений было два. Первое, от депутата Булыги, было платежной квитанцией на двадцать тысяч баксов, переведенных на мой счет в женевском банке «Кардуччи и К°». Под квитанцией – приписка: «Благодарю за доблестный труд. Неизменно ваш С. П. Булыга». Двадцать процентов суммы полагалось Владу, но он обычно брал рублями и желательно наличными, дабы не афишировать наш компаньонский союз. Решив, что сочтусь с ним позднее, я вызвал второе сообщение, список заказов от магистра, рассылаемый всем членам Гильдии в восемь пятнадцать утра.

Заказов было двадцать шесть, большей частью по универсам «Крохобор». Эти магазины эконом-класса держала тушинская группировка, но настоящим хозяином был Джавдет, первичный из Туркменистана, с бандой инициантов, работавших мясниками. Торговали всяким просроченным дерьмом, паленой водкой, прогорклым маслом, подгнившими фруктами, а заодно – покупателями. Правда, этот товар тоже был не первой свежести – ходили к «крохоборам» неимущие пенсионеры да записные алкаши. Тоже люди, но градоначальников это не беспокоило, пока не объявился конкурент: система супермаркетов «Полтинник». За разгром восемнадцати точек «крохоборов» «полтинники» сулили миллион зелеными и сообщали, что акция согласована с мэрией, с полицией нравов и ФСБ. Наша розыскная служба это проверяла, и заказ пока что Гильдией принят не был.

Затем шли заявки от частных лиц, обеспокоенных разными неприятностями, мелкими и крупными. Люди все небедные: известный шоумен, три ресторатора и содержателя гостиниц, певчая птичка из группы «Сексбол», модный кутюрье и хозяин массажного салона, чьих клиентов распугал подозрительный тип. Кому очистить дом или поместье на Рублевке, кому обезопасить бизнес, кого избавить от докучного соседства... Обычные дела для начинающих Забойщиков. Я за них редко берусь, предпочитаю работать с солидными фирмами.

Последним был госзаказ, который, конечно, не оплачивался, но засчитывался в счет налога на прибыль: разобраться, по заявке Минздрава, с Гематологическим центром, а проще – со станцией переливания крови, где больше года паслась клыкастая братва. Этим делом я бы не побрезговал, хоть финансовый результат нулевой, даже налоговая льгота шла в пользу Гильдии. Вампир всегда ублюдок и мерзавец, но вампир-врач или вампир-учитель мерзок

вдвойне, ибо сосет из незащищенных недужных и пацанвы. Но пока я размышлял, позвонить ли магистру прямо сейчас или сначала подкрепиться, в компьютере опять зазвенело, и на экран полезло новое письмо. Совсем коротенькая записка: отец Варфоломей, батюшка из ближней церкви, просил навестить его часиков в десять, принять благословение и кувшин-другой святой воды. Говоря откровенно, в Варфоломеевых благословениях я нуждался много меньше, чем в воде, но ее запас и правда иссякал – в фляжке чуть булькало. Придется сходить. Варфоломей нудный тип, однако с его помощником дьяком Степаном я был дружен.

Допив кофе, я отправился на кухню завтракать.

Интермедия 1

Первый канал Российского телевидения,

9 июня, 20.30 вечера.

Передача из цикла «Они жаждут». Прямой эфир

ВЕДУЩИЙ. Сегодня у нас в студии редкий гость, магистр Гильдии Забойщиков. Хотя этот профессиональный союз широко известен в нашей стране, его члены, по вполне понятным соображениям, предпочитают хранить инкогнито. Так что мы не покажем лица нашего гостя и не назовем его имени. Но телезрители могут обращаться к нему с вопросами по телефонам... *(Называет номера.)* Однако первые вопросы, пользуясь правом ведущего, я задам сам. *(Пауза.)* Будьте добры, магистр, скажите несколько слов об истории создания вашей Гильдии.

МАГИСТР *(голос искажен)*. История не очень долгая: наш союз отпочковался от Министерства по чрезвычайным ситуациям двенадцать лет назад. Это случилось после известных событий, потребовавших новых форм и способов борьбы с так называемым вамп-бизнесом. Вернее, с империей зла, грозящей поработить человечество.

ВЕДУЩИЙ. Пожалуйста, уточните, что вы имеете в виду под «известными событиями».

МАГИСТР. Разумеется, первый демарш Движения Легализации в Амстердаме.

ВЕДУЩИЙ. Насколько мне известно, цель Движения состоит в том, что вампиры пожелали явно обозначить свое присутствие в нашем мире.

МАГИСТР. Да, это так. Многие тысячелетия империя зла, о которой я упомянул, была тайной, и мы, нормальные люди, гадали, существует ли она на самом деле или относится к мрачным фантазиям и страшилкам. Но теперь нет сомнений в ее реальности.

ВЕДУЩИЙ. Почему же покровы тайны сорваны именно сейчас?

МАГИСТР *(негромко смеется)*. Двадцать первый век, уважаемый, двадцать первый век! Толерантность, политесность, боязнь конфликтов – по крайней мере, в странах золотого миллиарда! Что прежде делали с вампирами? В сердце – осиноый кол, по черепу – кувалдой! Или расчленили и сжигали! Так было всего лишь век назад... да что там век!.. В недавние советские времена отправили бы их в секретные лаборатории, чтобы выяснить причину живучести в целях обороны! И легли бы они под нож вивисектора... А нынче у нас демократия и нравы смягчились. Мы теперь часть Европы и привержены ценностям гуманизма: смертная казнь отменена, эвтаназия разрешена, наркотики – на каждом углу, однополые браки сделались фактом. Геи заявляют о своих потребностях... Почему бы не заявить и вампирам?

ВЕДУЩИЙ. Но, согласитесь, это несколько разные потребности. Геи не пьют кровь и никого не лишают жизни.

МАГИСТР. А кто вам сказал, что вампиры лишают жизни? Геи сексуально ориентированы на мужчин, лесбиянки – на женщин, такая у них потребность. А потребность другой части населения – питаться кровью, но почему человеческой? Бычья и свиная тоже подой-

дут... Причины такой аномалии – те же, что у геев, генетические. Можно ли из-за этого лишать прав часть населения?

ВЕДУЩИЙ. Вы утрируете, магистр!

МАГИСТР. Конечно. К счастью, полная Легализация не состоялась. То есть они о себе заявили, но мы их права не признали, и убийство вампира не считается преступлением. Мы убивали это гнусное отродье, убиваем и будем убивать.

ВЕДУЩИЙ (*после паузы*). Смягчение нравов – единственная причина их легализации?

МАГИСТР. Увы, нет. Имеется еще одно обстоятельство: количество вампиров выросло в разы. Как минимум на порядок, и особенно в России.

ВЕДУЩИЙ. Это как-то связано с генетикой?

МАГИСТР. Скорее, с политикой и социологией. Вы знакомы с «Астральным кодексом» Льва Байкалова?

ВЕДУЩИЙ. Да, разумеется.

МАГИСТР. На ряде исторических примеров Байкалов показал, что число вампиров увеличивается в эпохи смут и бедствий – например, так было в период Столетней войны. Именно такую эпоху мы переживаем в России. Скоропалительный крах советского строя привел к обнищанию массы людей, растлению молодежи, росту преступности и чудовищной коррупции. Лозунг сегодняшнего дня – обогащайся! Есть деньги – все позволено! Россия и раньше не страдала от избытка нравственности, но к прежним мерзавцам добавились новые, те, кто богатеет на взятках, на спиртном и фальшивых лекарствах, на торговле людьми, наркотиках, проституции, на разграблении богатств страны. Это питательная среда для перерождения людей в вампиров – согласно теории Байкалова.

ВЕДУЩИЙ. Гипотезы Байкалова, позволю заметить. Эти ноосферные проекции, что внедряются в людей, – факт не доказанный.

МАГИСТР. Для вас – гипотеза, для меня – теория... Как всякий практик, я нуждаюсь в идейном руководстве. Байкалов подходит лучше других. (*Пауза.*) Есть еще вопросы?

ВЕДУЩИЙ. Да, безусловно. Кроме доморожденных, к нам хлынул поток кровососов из зарубежья. Говорят, сам Дракула не раз бывал в Москве и хочет созвать у нас первый Конвент вампиров... Как вы это объясняете?

МАГИСТР. Ну, до Конвента дело не дойдет – мы позаботимся... А что касается потока, то связан он с тем же, с продажностью властей и охранительных структур, с падением нравственности и вседозволенностью. Рыба ищет, где глубже, человек – где лучше, а вампиры – где безопаснее и сытнее. В условиях нашей демократии пищи им хватает.

ВЕДУЩИЙ. Вы что-то имеете против демократии? Вы сторонник авторитарного режима?

МАГИСТР. Отнюдь. Просто я считаю, что демократия не может быть нищей. Эти два понятия так же несовместимы, как война и мир.

ВЕДУЩИЙ (*с печальным вздохом*). Возможно, вы правы. Но будем все-таки надеяться на лучшее, на то, что со временем мы достигнем процветания и мира.

МАГИСТР. Vis pacem, para bellum.

ВЕДУЩИЙ. Простите? При чем тут парабеллум?

МАГИСТР. Ни при чем. Я сказал: хочешь мира – готовься к войне.

ВЕДУЩИЙ. Хмм... А, латинская поговорка... Может быть, магистр, перейдем к вопросам телезрителей?

МАГИСТР. Не возражаю.

ВЕДУЩИЙ. Пока шла наша беседа, мои помощники отобрали все наиболее интересное из поступивших звонков, SMS и посланий по мейлу, которых было... было... О, только из Москвы – пятнадцать с половиной тысяч! Вот первый вопрос: правда ли, что вампиры

обладают каким-то особым знанием, некой сакральной тайной, которая делает их особенно сильными?

МАГИСТР. Чепуха. Наш розыск занимался этой проблемой и ничего не обнаружил. Уверяю вас, если отрубить кровососу башку, он сдохнет, и никакие сакральные тайны ему не помогут.

ВЕДУЩИЙ. Еще один вопрос, явно от пацифиста. Он спрашивает: к чему такая беспощадная война, к чему взаимная жестокость, если вампиры могут питаться кровью животных?

МАГИСТР. Пацифизм в данном случае неуместен. Могут ли вампиры прожить за счет крови свиней, коров и баранов? Да, могут, но никогда не согласятся с этим, ибо человеческая кровь для них слаще.

ВЕДУЩИЙ. И это очень печально. Кстати, вот несколько вопросов, касающихся их предпочтений. Все люди для них одинаковы или нет?

МАГИСТР. Различия, конечно, имеются. Факторы выбора – возраст и пол жертвы, ее внешний вид и даже психическое состояние.

ВЕДУЩИЙ. Психическое состояние?..

МАГИСТР. Да. Они не просто сосут кровь, но наслаждаются страхом гибнущего человека. Выбирают тех, кто сознает ужас происходящего особенно остро, кто молод, здоров и хорош собой. Пожилые люди для них – товар низкого качества, как и бомжи или нищие. Впрочем, это не дает гарантий безопасности, хотя они предпочитают молодых. Пик приходится на девочек и девушек в возрасте от двенадцати до двадцати лет – это, так сказать, пища для избранных, для кровососов высшего разряда. У недавно обращенных инициантов запросы скромнее – дети-несмышлениши, старики, недужные... Никто не гарантирован от нападения.

ВЕДУЩИЙ. От нападения и, возможно, продажи, не так ли?

МАГИСТР. Да, продажи. Не секрет, что у нас процветает торговля людьми.

ВЕДУЩИЙ. В связи с этим еще один вопрос. Наш зритель любопытствует, какова стоимость девочки двенадцати-тринадцати лет.

Мрачная напряженная тишина.

МАГИСТР (*говорит глухим от ярости голосом*). Ты меня слышишь, любопытник? Слышишь?.. Я знаю, какой ты породы! И я до тебя доберусь, ублюдок, приласкаю клинком по темечку! Девчонку захотел?.. Ну, будет тебе девчонка – сорок пятый калибр, в стальной оболочке! Я тебя, гад зубастый...

ВЕДУЩИЙ. Просим извинения у телезрителей. Мы вынуждены прервать передачу по техническим причинам.

Снова в деле

Церковь Пресвятой Великомученицы Елизаветы стоит на углу Третьего Берендяевского и Мучного проезда. Не знаю, от кого святая пострадала, кто и как ее пытал, но, если судить по церкви, жизнь ее была великим подвигом благочестия: церковь воздвигли капитальную, из розового кирпича, о пяти куполах и с колокольной-звонницей. При этой колокольне и обретался дьяк Степан, в миру Викентий Кобылин – имелась у него каморка под лестницей, где он ночевал, приняв грех на душу. Его грехи тянули минимум на литр, и потому я заскочил в ближайший магазин и приобрел три пузыря «Сибирской».

Попу, то есть отцу Варфоломею, никаких подношений от меня не предвиделось. Не уважал я этого попа – лопоухий тип, слишком уж благостный видом да пугливый, но при этом себе на уме. К тому же крепкую святую воду он творить не мог, а это верный признак малодушия. Ну, что не доделано попом, то исправлено дьячком... Хотя, конечно, факт удивительный – у попа, такого обходительного и безгрешного, вода не получается, а пьяница-дьяк ворожит безотказно. Выходит, было нечто в Степановой душе, дававшее его заклитиям силу, и думаю я, что с религией его талант никак не связан. Особый паранормальный дар?.. Возможно, все возможно. Вспомнишь о Лавке, так поверишь в любые чудеса.

Отец Варфоломей встретил меня у двери, перекрестил, умильно улыбнулся и произнес:

– Водичка приготовлена, но это, сын мой, еще не все – есть к тебе другое дельце.

– Какие проблемы? – буркнул я, переступив порог. Железки под плащом негромко звякнули – без оружия я из дома не выхожу.

– А это тебе объяснят вскорости. – Улыбка попа стала еще умильней. – Сам архимандрит пожаловал, отец Кирилл, ректор духовной семинарии.

Про отца Кирилла я знал лишь то, что он в советниках у митрополита Евсевия и близок к думским фракциям ВНУО и ЗПО² – то бишь видный клерикальный политик, а я к таким питаю неприязнь. В общем, лопоухий поп меня не порадовал – можно сказать, даже слегка ошеломил. На секунду я замер, соображая, не развернуться ли восвояси, но чувство долга победило. В конце концов, архимандриты и попы столь же нуждались в моих услугах, как и прочие заказчики, – все мы люди-человеки, и все не любим, когда сосут нашу кровушку. Так что я пожал плечами и проследовал в ризницу, она же – кабинет отца Варфоломея.

Там сидел суровый тощий старец в монашеском облачении. Седая борода по грудь, из-под нее свисает серебряный килограммовый крест, глаза выцветшие, щеки бледные, губы сухие, и на роже – византийское коварство. Такому проповеди читать про гнев божий, Страшный суд и геенну огненную да приговаривать в церковном трибунале к сожжению либо отсылке в монастырь в арктических снегах. Словом, не понравился мне архимандрит Кирилл. Я ему, кажется, тоже – зыркнул он на меня неласково.

– Господь с тобою, брат Варфоломей. – Голос у пожилого ректора был неожиданно сильным и звучным. – Можешь удалиться. Более ты мне без надобности.

Поп исчез, а мы с отцом Кириллом уставились друг на друга, все больше проникаясь взаимной неприязнью. Наконец архимандрит поскреб в бороде и сказал:

– Что же ты, раб божий,ходишь в храм с оружием? Или под твоей хламидой вериги звякают?

– Вериг не ношу, – сказал я, садясь на лавку и распахивая плащ. – Моя профессия этого не требует.

Архимандрит покосился на мой арсенал и хмыкнул с неодобрением.

² ВНУО – «Вера – наше утешение и опора», российская православная партия; ЗПО – «За президента и отечество», партия демократов-центристов. Термины, разумеется, фантастические.

– Воистину сказано: узнаешь кузнеца по молоту, а рыбака – по сети... Петр Дойч имя твое, и ты – из Гильдии Забойщиков?

– С утра было так, – ответил я.

Старец уставился в потолок, будто вид мой был ему омерзителен, и произнес скучным голосом:

– Значит, ты Забойщик и носишь имя святого апостола. Говорили мне про тебя, Петр Дойч, много чего говорили... про общество призрения болящих, и про некий банк, и про ведьму-дьяволицу, полюбивницу Дракулы, гореть ему в аду... Еще говорили про двух сатанинских отродий, сгубивших раба божьего Вырия, и про то, как был он отомщен... Про школу говорили, про детский приют и про разгром супостатов, учиненный на Новодевичьем кладбище... Твоя работа?

– Да, – признался я, соображая, что старец неплохо информирован о моих подвигах. – Только не приют то был, а детский садик «Василек» в Измайлове. И на Новодевичьем я не один геройствовал, а с бригадой. Шестеро нас было – четыре Забойщика и пара учеников.

– Это без разницы, – молвил батюшка Кирилл, окатив меня ледяным взглядом. – Все одно, ты лучший.

Ну, лучший так лучший, молча согласился я и стал ждать продолжения. С этим не задержалось.

– Есть в тебе надобность у святой матери-церкви, – произнес архимандрит. – Готов ли ты послужить ей, раб божий?

– Готов, – отвечивал я. – Для матери-церкви у нас особые тарифы – скидка пять процентов с любой акции.

Старец небрежно отмахнулся.

– В деньгах ли дело? За этим мы не стоим. Была бы только польза... Миссия... хм-м... тайная и щекотливая. Его поручение! – Он показал глазами вверх.

– Митрополита? – спросил я. – Или самого патриарха?

– Господа нашего! – рявкнул старец и перекрестился. – А что поручено Господом, то должно быть исполнено!

Его бледное лицо вдруг покраснелось, и глаза уже не казались выцветшими – молнии сверкали в тех глазах.

– Не волнуйтесь, святой отец, все будет исполнено в лучшем виде, – заверил я. – Пожалуйте адресок и имена. Впрочем, последнее не обязательно – и без имен приговорим.

– Я тебя, раб божий, не для этого подряжаю, хотя силовые акции не исключаются. Сказал ведь, миссия тайная и щекотливая! Выведать нужно у адских исчадий, вывести нечто такое, к чему есть интерес... – Ректор выдержал паузу и добавил: – Не только у православной церкви, но у других конфессий тоже.

– Выведать, значит... Занятие не совсем по моему профилю. – Я приласкал ствол обреза. – Может, начнем сначала, отче Кирилл? Кого вы представляете, кроме митрополита и патриарха?

– Все православные церкви, сколько их есть, – сказал архимандрит, важно разгладив бороду. – А также римско-католическую, протестантскую и англиканскую... еще по мелочи – баптисты там, мормоны, копты и другие.

Мои волосы зашевелились.

– Весь христианский мир... – пробормотал я в полном ошеломлении. – Что же вам нужно узнать у адских исчадий? Тайну вечной жизни?

– Я представляю не только наших единоверцев и прочих христиан, – заявил отец Кирилл, не обращая внимания на мой вопрос. – Иудеи, мусульмане и буддисты тоже проявляют интерес. На сей счет есть решения Коллегии раввинов, Вселенского совета муфтиев и далай-ламы. Все они нас поддерживают – я имею в виду Московскую епархию.

Глаза у меня полезли на лоб.

– Именно московскую? А почему?

– Потому что у нас отродий Сатаны много больше, чем в иных местах, – с тяжелым вздохом признался старец. – И есть среди них особо древние и злобные, информированные лучше прочих, а отсюда вытекает, что узнать их Великую Тайну вероятнее здесь. – Он пристукнул ногой о пол и снова вздохнул с тоской. – Отче наш небесный, Отче милостивый! За что караешь нас, за какие грехи? За что послал нам такое бесчестие? Все утеряно, все! Честность, доброта, богобоязненность, целомудрие, почитание родителей... Сменились эти добродетели обманом и стяжательством, и стал у нас вертеп вавилонский, и пришли к нам дети дьявола в неисчислимом множестве...

Он бормотал что-то еще, но я уже не слушал. Я уже понял, чего он желает, он и все остальные иерархи от буддистов до мормонов. Великая Тайна! То есть миф из разряда эллинских или библейских сказаний, столь же достоверный, как рождение Афины из Зевсовой головы. Все вампирологи о нем упоминают, и Шпеер, и Маньяна, и Хьюзи, и святой Юлиан с прочими отцами церкви, и, разумеется, Лев Байкалов. Все упоминают и сходятся в одном: что тайна сия – ложь и выдумки. Будто известно вампирам что-то такое, дающее им право пить людскую кровь, и право это закреплено решением неких божественных сил и будет длиться до самого Судного дня, до той поры, пока не восстанут умершие и не слетятся души из преисподней и Рая, чтобы Господь судил их и воздал по их делам. Редкостная чушь! Атеисты Страшного суда не ждут, но и верующим не по нутру такая идея. Даже религиозный фанатик не согласится с тем, что Господь санкционировал вампирские деяния и дал им какие-то особые права. Это нонсенс, сокрушение основ, крах веры!

В Гильдии тоже так считают, и в этом у нас разногласий нет ни с магистром, ни со службой розыска. Забойщики – люди трезвого образа мыслей, к мистике отнюдь не склонные. Те, кто верит во что-то еще, кроме клинка и пули, долго не живут.

Старец прекратил бормотать и глядел на меня в ожидании. Надо было выкручиваться.

Я откашлялся и произнес:

– Нельзя ли поконкретнее, отец Кирилл? Какую Великую Тайну святая церковь хочет вытянуть из отродий Сатаны? Если я, к примеру, узнаю детали их физиологии, это будет то? Или имеется в виду что-то более духовное, трансцендентное?

– Скорее, эсхатологическое,³ – уточнил архимандрит. – Мы в точности не уверены, но полагаем, что вампирам известно нечто о конце света, а таковой конец есть Апокалипсис и Судный день. Это ты и должен выяснить, сын мой.

Сын мой! Он впервые назвал меня так – похоже, примирился с моими железками и странной, не подобающей христианину физиономией. Ибо челюсти у меня крупноваты, нос переломан в двух местах, а глаза разные, один черный, другой зеленый. К тому же вешу я сто пять килограммов при росте метр девяносто – недаром мама носила меня сорок четыре недели. Это, кстати, уникальный случай – срок нормальной беременности сорок, максимум – сорок одна неделя. Сорок четыре – это, судари мои, синдром Ильи Муромца, как утверждают медики; в результате рождаются монстры вроде меня, почти невосприимчивые к укусам вампиров.

Старец тем временем дудел свое:

– Ты должен найти отродье из древних и высших, ибо Тайна ведома лишь им. Плени такого и пригрози ему смертью и муками, крепко пригрози, чтобы разговорился ирод поганый. Ну, не мне тебя учить... ты в таких делах ученый... И помни, что в тех разговорах можно все, все допустимо, и огонь, и каленое железо, ибо ты – рука Господа, и если даже палку перегнешь, грех тебе отпустится, и будешь ты чист, как...

³ Эсхатология – религиозное учение о конечной судьбе мира и населяющих его разумных созданий.

– Стоп, святой отец, – сказал я. – Рано про отпущение грехов. Я ведь еще на дело не подписался. Может, и вообще не подпишусь. Профиль все-таки не мой. Я не из службы розыска, я боевик, ликвидатор.

Он замер с раскрытым ртом. Правда, длилось это недолго – архимандрит погладил бороду, коснулся креста и произнес:

– Двести тысяч. – Подумал секунду и добавил: – Евро, милостью Господа.

Сумма была крупной, очень крупной, но меня не вдохновила. Тайну можно выпытать, если она существует, если она реальность, а не миф. Мифическая тайна всегда чревата ложью, тем более в части эсхатологии и прорицания грядущего. Ну, прижму я ублюдка из первичных, и скажет он, что до конца света десять месяцев или десять лет, либо другое соврет – положим, что судить умерших будет не Христос, а египетский Осирис. Что за цена такой информации?.. Ровно ноль, а не двести тысяч евро. К этому добавилась мысль о том, что насмешу я магистра и коллег по цеху, чье уважение я ценил. Хорошо, ежели насмешу, а то еще в жадности заподозрят!

– Не возьмусь. – Моя голова сама собой качнулась. – Слишком неопределенная задача, святой отец. Да и в эсхатологии я слаб.

– Как не возьмешься? – Батюшка Кирилл вцепился в бороду, сдвинул брови и грозно уставился на меня. – Как не возьмешься, сын мой, если Господь призывает? Опять же двести тысяч евро... Ты лучший после Вырия! Как можешь не взяться?

– А Коля Вырий тут при чем? – спросил я в недоумении.

– Был он подвигнут на исполнение той же миссии, – разъяснил старец и ядовито добавил: – Не сомневался в отличие от тебя, делал дело и погиб как божий воин.

Сердце мое забилося чаще, и, чтобы успокоиться, я положил ладонь на приклад обреза. Ситуация переменялась! Убийца Николая я прикончил – не буду уж вспоминать, чего мне стоили их поиски! – но выходило теперь, что эти два первичных были только исполнителями. За ними стоял заказчик, некая древняя, злобная и информированная тварь, добраться до которой я был совсем не против. Пожалуй, стоит развернуть знамена и отправиться в поход! Не ради-для Великой Тайны и не за двести тысяч евро, а чтобы разыскать того ублюдка и сделать его короче на голову. Ну а перед этой процедурой можно и порасспрашивать...

Пульс мой снова был в норме, сорок ударов в минуту. Прикосновение к «шеффилду» действует на меня успокоительно. Рефлекс! Рука на оружии не дрожит и дыхание ровное.

Я выпустил приклад из пальцев и сказал:

– Положим, я согласен. Тогда придется решать одну нелегкую проблему.

– Какую?

– Насчет отродья из древних и высших, как вы его назвали. Их всего-то в городе пяток, а в мире не больше двадцати. Гады хитрые, прячутся искусно, и даже наша розыскная служба их отыскать не может. Так что наводка нужна. Иначе я поседею, пока кого-нибудь из них найду.

Архимандрит, похоже, колебался, решал, сказать мне что-то или не сказать. Решил не говорить и пробурчал:

– Найдешь, по милости Господа! Вот слышал я, что соберутся они в ночь на послезавтра на шабаш в Башне. Ты ведь, наверное, знаешь, что шабаш у них в июне, в двенадцатый день? Все главные там будут.

– Знаю, – подтвердил я. – Знаю, да только как мне в Башню ихнюю попасть? Я бы бригаду собрал, налет устроил, но это не годится – под Башней тайные ходы, и главная сволочь улизнет. Пробраться нужно незамеченным. А как?

– Как, как!.. – передразнил старец, все еще пребывая в колебаниях. – Ладно, дам я тебе человечка в помощь, раба божьего Пафнутия... Вырию не дал, а тебе дам! Но смотри! – Он

погрозил мне костлявым пальцем. – Смотри, Забойщик, чтобы с брата Пафнутия волос не упал! Праведник он и на великий подвиг решился!

– Это какой же?

– Увидишь, поймешь, – буркнул отец Кирилл, копаясь под полою рясы. Вытащил компналадонник, ткнул ногтем в клавишу и прищурился, глядя в экран. – Дай-ка свой телефончик на всякий случай... – Я продиктовал свой мейл и номер мобильного, и старец, записав их, молвил: – Лучше встретиться вам в людном месте и как бы невзначай. Завтра в полдень митинговать будут на Пушкинской, вот туда и приходи. Брат Пафнутий тебя найдет. Личность твоя ему знакома.

– По рукам, святой отец, – сказал я, но батюшка Кирилл не собирался бить ладонью о ладонь. Вместо этого он сунул мне к носу крест в кулаке, однако зря – ни крестов, ни рук я не целую. Есть у меня такое мнение: коль все же существует Бог, то не нужны ему посредники, попы и муллы, патеры и ламы, монахи и монашки, ибо сам он может проторить дорогу в сердце человеческое. А тот, кто желает его подменить своей персоной и сует для целования крест да пальцы, а то и башмак, – самонадеянный богохульник. Будет ли таким прощение в Судный день?..

– Иди, – пробормотал архимандрит, вздыхая и пряча крест. – Иди, ловец божий! Да пребудет с тобой Господь наш Иисус Христос!

Я сухо кивнул и вышел из ризницы. За дверью наткнулся на отца Варфоломея – то ли на страже он стоял, то ли подслушивал, развесив свои лопухи.

– Святая водица, сын мой, – молвил поп, протягивая флягу.

– Благодарствую, – ответил я. – Дьяк у себя?

– Спит, – сказал отец Варфоломей с явным осуждением. – Вчера потешил беса своей пагубной страстью.

– Если спит, разбужу. До скорого, батюшка.

– Благослови тебя Бог и святые угодники.

Мы распрощались, и я, добравшись до колокольни, сунулся в каморку под лестницей. Дьяк Степан уже не спал, а сидел, лохматый и расхристаный, на низком деревянном топчане. Роба у него опухла, нос побагровел, глазки едва открывались и несло от него перегаром, но все же был он милей архимандрита и попа. Я ощущал в нем ту же трепетную душу, что у Влада, и пил он по той же причине – чтобы, значит, не смотреть на жизнь трезвым глазом и не озлобиться вконец.

– Петруха, ты? – проворчал дьяк сочным басом, разгоня волосатой лапицей винные пары. – Рад, рад! Заходи, гостем будешь. А сосудину с водицей давай-ка сюда.

Я опустил на колченогий табурет. Приняв от меня флягу, Степан протяжно зевнул, потом сосредоточился, закрыл глаза и, поводя над сосудом ладонью, начал беззвучно шептать.

Что за таинственный процесс свершался в это краткое мгновение с обычной жидкостью, набранной из крана?.. Загадка, пока недоступный науке секрет! Любой нормальный человек пил Степанову водицу без вреда и без особой пользы, мог умываться ею или полоскать горло, мог пустить на суп или компот – словом, во всех отношениях то была обычная вода. Для меня и любого хомо сапиенс, но не для вампиров! Вода их не убивала, но обжигала, точно серная или плавиковая кислота; они извивались от боли, вопили и на несколько секунд теряли координацию. Так что святая водица была неплохим подспорьем в моем ремесле.

Дьяк закончил ворожить и вернул мне флягу. Я, в свою очередь, пошарил за пазухой, вытащил чекушку и протянул ему. Степан уставился на нее в недоумении, облизнул губы, потом басовито прогудел:

– Обижает, братец!

– Шутка, – сказал я, извлекая из карманов две поллитры.

– Во, это другой разговор! Благодарствую, выюноша. Пригубишь?

Предложение являлось знаком вежливости – Степан знал, что я не пью. Я помотал головой, глядя, как дьяк раскупоривает бутылку. Опорожнив ее в два приема, он вытащил откуда-то соленый огурец, закусил, пробормотал: «Грехи наши тяжкие!..» и осведомился, который час. Было уже четверть двенадцатого.

Вид у Степана стал поживее – то ли спиртное его взбодрило, то ли чародейские манипуляции с водой. Я сунул флягу в карман и сказал:

– Ловко у тебя получается с водицей. Ты ведь, наверное, и лечить можешь? Наложением рук или как еще?

– А то! – отозвался дьяк. – Не хуже любого из этих... как их... инрасенсов.

– А что ж не лечишь, раз такой умелец? Хоть за малые деньги, хоть даром?

– Соблазна бегу, Петруха. Начнешь даром или за малые деньги, а там и за большими потянешься. Не спит враг рода человеческого, раздувает жадность! А Господь того не прощает. – Он провел широкими ладонями по лицу, помассировал щеки и молвил: – Доводилось про Машера слышать?

– Да.

Машеров был на Москве известным целителем, да и не только в столице – легенды о нем гуляли по всей России и странам СНГ.

– Имелся ведь у человека божий дар! От всего целил, от зубов и запоев, от невров и суставов... Из пидоров делал нормальных людей, а с язвой какой справиться, так это мелочь была для него, как два пальца обмочить. Много по первости не брал – так, на пропитание... А опосля что?.. В прохвессоры вышел по всем новомодным академиям, гран-доктором заделался, лечебню открыл, дипломами стены обвешал, завел газетку, принялся бананы заговаривать и ими рак целить... Теперича деньги лопатой гребет! А дара-то уже и нет! Залы полные собирает, книжицы пишет, а толку что? Профукал свой дар! Бог дал, бог и взял... Так-то, Петруха!

Я согласно кивнул, а Степан потянулся к чекушке, и закупорка вдруг вылетела вон. Сама собой, он ее пальцем не трогал, он за стекло держался! Воистину умелец!

Отпив маленький глоток, дьяк поставил чекушку на пол и сказал:

– Ты про этого Машера помни, братец. Помни, ибо у тебя тоже божий дар, особая сила, чтоб нечисть устаканивать. Тебе это не зря дано, а потому не лиходействуй, не бери помногу с сирого, слабого и убогого. Защищай, а за деньгой не гонись!

С этим напутствием я и покинул его каморку. На улице, достав мобильник, набрал номер Влада. Он из дома еще не вылез – похоже, отсыпался после вчерашнего и только-только продрал глаза. Голос, во всяком случае, был хриплый.

– Это кто?

– Это я, партнер. Мы снова в деле.

– Приятная новость, сэр. Что для меня?

– Для тебя – старинная архитектура. Планы Башни достань. Желательно с подземными этажами.

Спросонья он не понял, про какую башню я говорю. Пришлось напомнить: Спасская башня, что в Кремле.

Лавка

Контракта мне отче Кирилл не прислал. Может, у церковников так положено – все на паре честных слов, нашептанных в ризнице?.. Не знаю, как работал с ними Николай, но мне к честному слову хотелось бы добавить что-то посущественней. Не потому, что я такой уж педант или тревожусь из-за гонорара, а в силу причин официальных, дабы не возникло сложностей с по-по. В полиции нравов те еще жуки и гниды! Еще в былые времена, когда занимались они алкашами и наркоманами, сутенерами и потаскухами, слава шла о них недобрая – мол, не столько ловят и сажают, сколько обирают и крышуют. Что же о нынешних днях говорить! Доход от племени Нергала куда побольше, чем от шлюх, паленой водки и «колес», а эти разновидности торговли вампиры контролируют на сто процентов. Глобализация, судари мои, глобализация! Прогресс! И для по-по удобно: что пачкаться по мелочи, раз есть компания, которая держит всякие вамп-бизнесы и платит мзду. Но недаром, недаром! Нужны ответные услуги, и первой в их списке числится Гильдия Забойщиков.

Так что я предпочитаю работать с контрактом на руках. Вообще говоря, этот документ не обязателен – есть тридцать третья статья конституции, в которой черным по белому прописано, что власть оберегает граждан от посягательств упырей. Оберегает всеми средствами, а потому принят в подкрепление закон о тотальном отстреле клыкастых. Но вот беда: есть статья и есть закон, однако вампиры не переводятся! У нас ведь не Дикий Запад и не Китай – в истинно демократической стране нужно сперва доказать, что этот тип – вампир, а уж потом разнести ему черепушку. Но как докажешь? К дантистам упыри не ходят, а лезть к каждому в рот да измерять клыки нельзя – это уже ущемление свободы.

Словом, есть у по-по кое-какие возможности Гильдию прижать, а кровососов спасти от кары. Взять те же клыки: если они длиною в дюйм, то все понятно, а если, скажем, сантиметр с небольшим? То ли это молодой первичный, то ли инициант, то ли честный гражданин, имеющий право на генетическое отклонение? Конечно, мы, Забойщики, чуем нелюдь с сорока шагов, но чутье – не юридическая категория, законов на нем не воздвигнешь. И потому мы – частная лавочка, а не государственная служба. Хотя, если призадуматься, не будь нас, половину России уже бы высосали.

Для Забойщика контракт – большое подспорье. Мелкую акцию можно и так осуществить, убрать иницианта по наводке соседей или снести башку уроду, застав его на месте преступления. Но крупное дело лучше начинать с контрактом – желательно от солидных людей. А кто у нас солидней церкви? Министры, депутаты, президент?.. Как бы не так! Все они приходят и уходят, а церковь остается.

Но, как говорилось выше, контракта я не получил. В этот день я ждал его до вечера, но звонка по телефону не было, – и с посыльным или в компьютер ничего не поступило. Утром я все-таки связался с Гильдией, зарегистрировал устный договор с архимандритом Кириллом, придумав подходящую формулировку: мол, попросили меня разобраться с убийством Николая Вырия. Затем отправился на Пушкинскую площадь. Пешком пошел – идти всего-то пятнадцать минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.